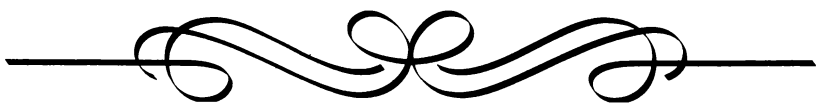

Глава XVIII

*Великий князь
Симеон Бекбулатович*

Согласно лаконичной записи в Разрядных книгах, осенью 1575 года государь царь и великий князь даровал великому князю Симеону Бекбулатовичу титул великого князя всея Руси, а сам Иван IV сохранил титул князя Московского¹. Он также оставил за собой титулы царя всея Руси, царя Казанского и Астраханского и государя Ливонии, что породило в свое время и в дальнейшем величайшую путаницу. Ввиду отсутствия записей, трудно понять, каковы были намерения Ивана, какие полномочия были переданы им Симеону, какие сохранены и как долго продлилось такое положение. В качестве великого князя всея Руси Симеон возглавлял землю, то есть управление страной. Он имел право и в действительности издавал грамоты от своего имени, хотя до нас дошли немногие из них, поэтому судить о том, какими вопросами он занимался, довольно трудно. В сохранившихся грамотах речь идет преимущественно о дарениях земли монастырям. В то же время Иван полностью контролировал сношения с иноземными державами². По сообщению свидетеля этих событий Джерома Горсей, который, правда, написал свои воспоминания позднее, Симеон был коронован в Успенском соборе Кремля, но, как говорит Горсей, «без торжественности и без согласия своих вельмож [peers (пэров)]»³.

Ненадежность сведений Горсей подтверждается словами самого Ивана Даниелю Сильвестру, в прошлом переводчику Московской ком-

паний, а затем ее агенту. 29 января 1576 года Сильвестер доносил в Лондон о речах Ивана, говоренных на русском языке, так как царю было известно, что Сильвестер хорошо его понимает, относительно новой просьбы о предоставлении убежища, определенного ответа на которую ожидал Иван. Царь был недоволен тем, что Елизавета отдает предпочтение торговым делам, и обижен ее нежеланием ответить такой же просьбой об убежище, которая поставила бы Россию и Англию на одну доску, тем, что *«она не решается высказать просьбу, подобную нашей»*. Он упрекал Елизавету в уклончивой реакции на его предложения, несмотря на то, что Иван предоставил ее купцам право свободной торговли по всей России, *«как будто бы они находились в Англии*»*. Пока королева не удовлетворит все его пожелания, царь отменит эти привилегии и передаст право на торговлю венецианцам и немцам. Он добавил также, что, *«хотя мы и объявили тебе, что по-видимому мы возвели другого в царское достоинство и тем обязали себя и других, однако же это дело еще не окончательное и мы не настолько отказались от царства, чтобы нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан и еще поступим в этом деле, как Бог нас наставит, потому что он еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, но лишь по нашему соизволению. Посмотри также: семь венцов еще в нашем владении со скипетром и с остальными царскими украшениями, принадлежащими царству, и со всеми сокровищами, которые принадлежат каждому венцу»*⁴. Иван намекнул к тому же, что теперь он может обратиться к своему новому союзнику, императору Максимилиану⁵. Как бы то ни было, историки до сих пор не могут ясно понять и прийти к соглашению относительно того, каким образом в голову Ивана пришла такая странная идея и насколько она связана с возобновлением опричнины?

Что касается первого вопроса, то некоторые авторы считали действия Ивана чистейшим *«политическим маскарадом»*⁶. Другие полагали, что, отказываясь от русской короны, он рассчитывал повысить свои шансы на избрание польско-литовским королем, а третьи — что предметом его заботы были взаимоотношения с Крымом. Иные историки доказывают, что Симеон был возведен на великокняжеский трон в ре-

* В отчете Сильвестра говорится о праве для купцов *«столь же свободно, как в Англии, отъезжать и приезжать»*, а не о праве свободной торговли.

зультате заседаний Земского собора, который якобы имел место в 1575 году и был созван для секуляризации церковных земель. Участников Собора разделяли сильнейшие противоречия, существовавшие между аристократией, церковной иерархией, боярством и бывшими членами опричнины. Но, к сожалению, доказательства созыва этого несуществующего органа для этого времени отсутствуют, хотя, возможно, тогда созывался Церковный собор⁷. Позднее Джайлс Флетчер пытался объяснить политику Ивана финансовыми соображениями⁸, утверждая, что при возведении Симеона на трон Иван велел ему отменить все ранее выданные царем грамоты, включая предусматривающие налоговые послабления, а затем вернуть их в обмен на значительные взносы. Специалист в этой области Каштанов доказывает, однако, что за год правления Симеона никакой систематической политики в отношении пожалованных монастырям грамот не проводилось. Некоторые из них были отменены, но выдавались другие, в том числе грамоты, подписанные Иваном в качестве великого князя Московского⁹. Из грамот, подписанных Симеоном, многие не сохранились, как и другие составленные им документы, как будто бы их подлинность была сомнительной вследствие принадлежности ненастоящему великому князю¹⁰. Примечательно, что во внешнеполитических документах Иван по-прежнему именуется царем¹¹.

Один из историков возводит идею уступки трона к упоминавшейся восточной повести о Варлааме и Иоасафе, которая была рассказана в восьмом веке св. Иоанном Златоустом и получила в России широкое распространение¹². С этим сочинением связывается также происхождение опричнины. Во всяком случае, один из элементов этой повести указывает на индийское происхождение, а именно, предположение, что врач и маг Бомелий, а быть может, и другие кудесники, составили для Ивана гороскоп, согласно которому на 1575 — 1576 годы падает смерть великого князя всея Руси; этой опасности царь легко мог избежать, отказавшись на год от указанного титула¹³. Другой способ избавления от опасности заключался в том, чтобы укрыться в Англии, чем и объясняется возобновление разговоров о взаимном предоставлении убежища двумя странами между Иваном и Сильвестром осенью 1575 и зимой 1576 года¹⁴. Бомелий приобрел известность как астролог и обычно считался колдуном, оказывавшим на царя дурное влияние. Недавние небесные знамения — появление и исчезновение в 1574 году новой звезды,

сверхновой в созвездии Кассиопея, а также приход яркой кометы, по общему представлению предвещавшей кончину одного из правителей и в 1577 году видной невооруженным глазом, мог действительно напугать легковерного Ивана¹⁵. Назначение заместителя для царя также могло служить средством подготовки России к управлению в его отсутствие, пока он будет находиться в Англии. Горсей доносил о строительстве в Вологде большого количества судов английскими корабелями, а в одной из псковских летописей приводятся сообщения о намерении Ивана бежать в Англию, вероятно, внушенном «лютым волхвом» Бомелием¹⁶.

По мнению других, Иван IV боялся, что за его спиной строит козни с целью его свержения собственный сын и наследник. В некоторых летописях говорится, что Иван возвел на трон Симеона, подозревая в интригах против его власти царевича Ивана Ивановича¹⁷. Но, как сказано в Псковской летописи, «не погодно, государь, тебе мимо своих чад иноплеменика на государство поставляти»¹⁸. Однако если сын действительно замышлял недоброе, Иван мог позаботиться о назначении запасного наследника, а именно татарского князя. Было высказано и соображение совершенно иного рода о том, что Иван мог быть крайне недоволен неспособностью опричников защитить его и его народ во время последнего нашествия крымских татар и решил сознательно унижить русских, назначив татарина управлять страной. В конце концов Симеон был племянником его покойной жены Марии Темрюковны¹⁹. Впрочем, казни значительного числа придворных осенью 1575 года, в том числе Тулупова, фаворита Ивана, свидетельствуют о том, что на царя напал один из приступов преследовавшей его паники, которая выражалась во вспышках садизма. Головы казненных подбрасывали во дворы таких вельмож, как князь И.Ф. Мстиславский, Иван Шереметев-младший и митрополит Антоний²⁰.

В своей более поздней работе историк Зимин отверг все эти теории и просто воспроизвел мнение одного из членов имперского посольства Даниила Принца, который замечает в своем донесении императору Максимилиану II, что Иваном руководило презрение к низости его подданных²¹. Это мнение подтверждает и Даниель Сильвестер, цитирующий слова Ивана: «Преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устрояют измены против особы нашей; в отвращение сего мы передали их другому государю в управление, но

оставили в своем хранении всю казну земскую»²². Наконец возвышение Симеона Бекбулатовича вовсе не было личным капризом царя; согласно утверждениям ортодоксальных советских историков-марксистов, оно было результатом непреложных законов исторического развития (закономерности)²³.

Самым неестественным объяснением возведения Симеона Бекбулатовича в ранг великого князя всея Руси является гипотеза самого Скрынникова, на которой следует остановиться. Он утверждает, что в 1565 году, когда народ позволил Ивану ввести опричнину, это дало ему законное право вести борьбу с боярской изменой. Отменив опричнину, Иван лишился этих законных полномочий, поэтому, если бы он захотел вернуться к режиму устрашения, который вызвал бы яростное сопротивление Боярской думы и церковной иерархии, его действия были бы незаконными: *«На этот раз он получил необходимые санкции не от думы, а от лица, поставленного им самим над думой и всей земщиной. Таким лицом был Симеон Бекбулатович»*. Наделив Симеона титулом «великого князя всея Руси», Иван «без труда получил от него разрешение на введение в стране чрезвычайного положения»²⁴. Такой окольный путь доказательства мало убедителен. В конце концов, было ли отречение Ивана и возведение на престол Симеона Бекбулатовича средством возрождения опричнины в другом виде?

Первой публичной акцией Ивана после утверждения Симеона в ранге великого князя (насколько нам известно, так как прямых хронологических указаний почти не сохранилось) стало письменное обращение к новому правителю и государю с просьбой разрешить набрать некоторое количество служилых дворян в княжествах, подчиненных Симеону, и перевести их в новый удел²⁵. Таким образом, разделение страны на опричнину и земщину частично было восстановлено, хотя оно не соответствовало прежней территориальной и административной структуре, а слово «опричнина» не применялось вследствие связанных с ним неприятных воспоминаний и было заменено понятием «*двор*». Употреблять старое название было даже запрещено под страхом смерти. Опричников больше не было, хотя Иван создал собственную стражу из вооруженных пажей (рынды) и свой собственный полк, органы сбора налогов и местного судопроизводства и, следовательно, действовал, как и раньше, в прямо противоположном по отношению к приписываемой ему политике «централизации» направлении. Основ-

ная масса аристократии оставалась с царем Симеоном, а придворные и вооруженные слуги Ивана в основном имели низкое социальное происхождение²⁶. В приказы, имевшиеся как в уделе Ивана, так и в земщине, рекрутировались дьяки, отвечавшие за определенные территории или за выполнение отдельных функций. Помощь им оказывали некоторые представители торгового сословия. Ядро земель, избранных для себя Иваном, находилось на севере, в окрестностях Новгорода и Пскова и на пути к Белому морю, а излюбленным местом его пребывания стала теперь Старица, ранее принадлежавшая его казненному двоюродному брату. Это можно объяснить тем, что после разрушения Москвы крымскими татарами в 1571 году город все еще был непригоден для обитания, по крайней мере для царя. По данным одного из источников население этого некогда процветающего и бурлящего города насчитывало теперь около тридцати тысяч человек.

Иван в это время сосредоточил свои силы и старания на возобновлении Ливонской войны и доведении ее до победного конца. Отсюда и выбор его резиденции, которая должна была располагаться поблизости от центра будущих военных действий, хотя царь много разъезжал по стране. По-прежнему стоял вопрос о том, кто будет новым королем Польши-Литвы.

Генрих Анжуйский бежал, но не отрекся от престола. Если бы он не вернулся до мая 1575 года, должны были бы состояться новые выборы. Образовалось мощное движение в поддержку кандидатуры одного из Габсбургов, в котором участвовала польская католическая иерархия, сенаторы и литовские магнаты, по разным причинам считавшие, что это соответствует их планам. Но, как и прежде, между отдельными социальными группами Речи Посполитой существовали глубокие разногласия. Доводы каждой из них в свое время подробно обсуждались, но теперь они снова вышли наружу, не претерпев особых изменений. Польская шляхта была глубоко настроена против Габсбургов и немцев и больше склонялась на сторону русского кандидата, возможно, даже Ивана IV, который, по их мнению, был более способен защитить Польшу от османских и крымских вторжений, чем Габсбурги, как показал опыт. Польские магнаты и кардиналы были склонны скорее к поддержке императора Максимилиана II и его сына, эрцгерцога Эрнста, или даже брата Максимилиана Фердинанда. Рядовые литовские дворяне также поддерживали кандидата из Габсбургов. Многие польско-литовские

шляхтичи благосклоннее относились к императору Максимилиану II, чем к эрцгерцогу Эрнсту как кандидату на престол, потому что как глава Священной Римской империи он не смог бы часто посещать страну лично и, таким образом, был бы вынужден передать дела управления в руки местных вельмож.

Литовские магнаты благоволили к русскому кандидату, но отдавали предпочтение Федору Ивановичу, а не его отцу, будучи ближе, чем поляки, знакомы с особенностями Иванова нрава. Кое-кто возлагал надежды на тройной альянс империи, России и Речи Посполитой, направленный против Оттоманской Порты. Литовцы также приняли меры предосторожности, прислав Ивану копию договоренностей (*pacta conventa*), подписанных в 1572 году Генрихом Анжуйским, чтобы царь знал, какие условия ему будут предъявлены, поскольку он не был *gedичем* в этой земле, то есть не имел местных предков. Эти условия были, в общем, неприемлемы для Ивана, и он не стал посылать своих представителей на Сейм, поэтому его интересы фактически никто не защищал. Конечно, царя могла останавливать сохраняющаяся неопределенность статуса Генриха Анжуйского, который еще не отрекся от польского престола²⁷.

Не желая прибегать к существующим дипломатическим каналам, Иван и его советники, которыми стали теперь Афанасий Нагой, Андрей Щелкалов, унаследовавший пост Висковатого, и дьяк Ерш Михайлов, прибегли к услугам молодого польского шляхтича Кшиштофа Граевского, который приехал в Россию по торговым делам. Через него было решено неофициально изложить русскую точку зрения непосредственно полякам²⁸. Когда царь принял Граевского 6 апреля 1575 года (перед назначением Симеона Бекбулатовича) в Александровской слободе, тот потребовал у него прекратить переговоры с литовцами и сноситься с польской знатью; он предложил встретиться для решения всех проблем в Киеве, после чего через Киев и Волынь царь мог бы проследовать на коронацию в Краков. Через молодого поляка Иван передал о своем желании быть коронованным митрополитом, а не архиепископом. Он также настаивал, как и прежде, на том, чтобы титул царя, правящего в Киеве, который должен был перейти к России, шел перед титулом короля Польши и великого князя Литовского, и на передаче наследственных прав на короны конфедерации русской династии. Эти же условия в 1573 году были предъявлены литовскому посланнику М. Га-

рабурде²⁹. Можно предположить, что Иван думал о переносе русской столицы из Москвы в Киев. Политические учреждения трех монархий, а именно, Сенат Речи Посполитой и Боярская дума должны были быть объединены, кроме того, царь собирался созвать специальное совещание для обсуждения вопросов веры и веротерпимости. Поддержку польско-литовской знати планировалось обеспечить, обещая ей земельные пожалования на обширных территориях России.

Эти условия означали отказ от соглашений, подписанных Генрихом Анжуйским. Царь настаивал на сохранении наследственных прав на польско-литовскую корону и отказывался признавать выборность монарха вне рамок его собственной династии. Он не пожелал принести клятву о соблюдении условий, выдвинутых польско-литовскими католиками и протестантами, в отличие от Генриха Анжуйского, который был вынужден согласиться со знаменитой формулой, предъявленной ему в Париже: *si non jurabis aut non regnabis**. Однако поляки, особенно главы протестантов, не собирались отказываться от своего права выбора веры как «свободные граждане свободного государства»³⁰. Это давало Ивану зацепку для требования такой же свободы и для себя и для отказа от неперемennого принятия католичества до тех пор, пока он не убедится в ходе публичных прений в преимуществах этого вероисповедания. В результате на Сейме царило замешательство, и сторонники России разделились на тех, кто поддерживал Ивана, и тех, кто предпочитал его сына Федора. Граевский не мог рассказать о своих переговорах с Иваном, так как при проезде через Литву он был арестован магнатами, противившимися избранию выгодного полякам русского кандидата. Находясь в заключении в Литве, Граевский исправил свое донесение, сделав упор на уступках со стороны Ивана, и, в частности, на его предполагаемом тайном намерении объединить Россию и Польшу, как Ягайло в свое время объединил последнюю с Литвой. Это донесение было передано через брата Граевского, Петра³¹.

Иван, по-видимому, всегда опасался претерпеть унижение, поэтому он отправил в Варшаву не «великое», а «малое посольство» в ноябре 1575 года, которое повторило перед Сеймом отказ Ивана идти на уступки³². Его тактика затягивания привела некоторых из его сторонников к мысли, что в действительности он не добивается получения

* Не присягнув, не будешь править (лат.).

польско-литовской короны или хочет отложить решение до того момента, когда поляки и литовцы обратятся к нему и примут его условия. Пока что единственными реальными кандидатами на трон оставались эрцгерцог Эрнст и сам император Максимилиан.

После русского вторжения в Ливонию взаимоотношения между императором и царем стали прохладнее. В прошлом представители остатков Ливонского ордена обращались к императорам за помощью против захватчиков из Польши-Литвы, России и Швеции, но помощь так и не приходила. Тем не менее, ливонские делегации регулярно появлялись на заседаниях имперского рейхстага, и хотя императоры мало чем могли им помочь, они все же пытались обеспечить свою провинцию хотя бы моральной поддержкой. Периоды междуцарствия в Польше открывали новые дипломатические перспективы для обеих держав, хотя следует подчеркнуть, что сведения о том, на чем основывалась их политика, очень скудны, а действия их послов выглядят временами сомнительно или обманчиво.

Непростые переговоры между царем и императором возобновились еще до избрания Генриха Анжуйского на престол Речи Посполитой. Некий купец из Бранденбурга, Магнус Паули³³, возможно, агент короля Магнуса в Ливонии, разработал план, задача которого остается неясной. В ноябре 1572 года он отправился в Россию как официальный посланец императора с его письмом, датированным 20 ноября 1572 года, и был задержан в Риге литовским магнатом Яном Ходкевичем, в то время наместником польской части Ливонии, намеревавшимся помешать заключению соглашения между Россией и Священной Римской империей. К тому времени, как Паули был освобожден из-под ареста и 11 июля 1573 года прибыл в Новгород, Генрих Анжуйский был уже избран королем конфедерации, так что купцу оставалось только изложить царю суть имперской политики в своем понимании. Паули встретился с Андреем Щелкаловым, после чего Иван выразил надежду увидеть на польском троне эрцгерцога Эрнста, так как в сложившихся обстоятельствах противостояния заклятому врагу царя, турецкому султану, скорее можно было ожидать от Габсбургов, чем от французского принца. Паули, в свою очередь, обрисовал контуры проекта, который осуществился только двести лет спустя: от имени Максимилиана, но без его согласия³⁴, он предложил разделить Речь Посполиту, причем польская корона должна была перейти к императору, а Великое княжество

Литовское — к царю. Раздел сопровождался бы созданием единого фронта двух держав против Османской империи³⁵.

Избрание Генриха на трон Речи Посполитой способствовало установлению дипломатического сотрудничества между царем и императором, так как о духовной близости Франции и Турции всем было хорошо известно. В самом деле, Порты была обеспокоена поддержкой, которую император мог оказать России, и даже была готова открыть Генриху Валуа дорогу в Польшу через Стамбул³⁶. После бегства Генриха во Францию царь и император снова начали совместные действия (при поддержке литовских магнатов, но не поляков). Паули, чей истинный статус окружен покровом тайны, летом 1573 года вернулся в Вену, а Иван одновременно отправил к Максимилиану своего гонца Скобелыца* с подтверждением, что *«наш сын будет на том государстве [в Польше. — И. де М.] или сын твой будет на том государстве»*. В декабре 1574 года Паули привез в Россию сообщение Максимилиана о подготовке «великого» императорского посольства, а Иван приступил к принятию мер по организации предложенного союза против Порты, установив контакты с днепровскими казаками и побуждая их делать набеги на пограничные с ними крымские земли. Позиции Ивана усилились с появлением в Москве молдавского воеводы Богдана Александровича, изгнанного турками. Его сопровождал большой вооруженный отряд и часть дунайской знати. Иван даровал своему родственнику приличный удел в Тарусе на Оке³⁷.

В нескольких следующих месяцев множество гонцов разных держав курсировало в Речь Посполиту и обратно, и наконец, в ноябре 1575 года избирательный Сейм начал свою работу и выслушал представителей отдельных претендентов. Имперские послы, граф Ганс Кобенцль и Даниил Принц, остановившиеся на пути в Россию в Кракове, превозносили достоинства эрцгерцогов Эрнста и Фердинанда, их познания в чешском языке (столь близком польскому) и латыни. Король Юхан Шведский выдвинул оригинальное предложение: если его не выберут, то на польский престол может быть избрана сестра короля Сигизмунда Августа, принцесса Анна Ягеллонка, по примеру другой женщины на троне, Елизаветы Английской, которая подняла свое королевство на такую высоту. Анна Ягеллонка знает язык и обычаи своей страны. Пос-

* Согласно Б.Н. Флори, эту грамоту привез гонец Никон Ушаков.

кольку она в силу возраста уже не может иметь детей, ее наследником станет племянник Сигизмунд, единственный из оставшихся представителей династии Ягеллонов, сын короля Швеции Юхана III и сестры Сигизмунда Августа Екатерины Ягеллонки. Кроме как по-польски, он говорил по-шведски и неплохо знал латинский, итальянский и немецкий языки. Турки прислали своего агента, который советовал избрать поляка или князя Трансильвании Стефана Батория, султанского вассала, приславшего на Сейм своего делегата для пропаганды его достоинств. Последний обещал сохранять мир с турками и татарами и за свой счет отвоевать у России захваченные ею польско-литовские земли. Наконец герцог Феррарский Альфонсо II д'Эсте предложил прислать в Краковскую академию ученых и художников и в случае своего избрания оплатить обучение в Италии 500 молодых польских шляхтичей. Иван никого не прислал и не дал никаких обещаний или посулов³⁸.

Сношения между Максимилианом и Иваном приобрели новую остроту вследствие безуспешных действий их посланцев, Паули и Скобельцына, которые ссорились между собой и тратили время на обсуждение таких вопросов этикета, как отказ имперцев называть Ивана царем. В конце концов, долгожданное имперское посольство во главе с Гансом Кобенцлем фон Проссек и Даниилом Принцем в ноябре 1575 года прибыло на русскую границу и 15 декабря находилось в Дорогобуже. Но вручение верительных грамот посольства было отложено, так как Иван соблюдал рождественский пост. Это беспокоило имперских послов, которые уже побывали на избирательном Сейме в Варшаве и понимали, что время не терпит, но не хотели вступать в переговоры до исполнения всех формальностей. Желание русских представителей все-таки начать переговоры объяснил Иван: за последние годы так много чужеземцев выдавали себя за послов, будучи всего лишь купцами, что он был вынужден заранее принять меры предосторожности. Иван, очевидно, был наслышан о поездках Паули, якобы совершавшихся от его имени, но имелись и другие случаи подобного самозванства³⁹. Как бы то ни было, императорские послы не пожелали раскрывать карты до того, как им будет оказан надлежащий прием, и только в январе царь выехал из Москвы в Можайск, видимо, потому, что столица была все еще не готова для встречи имперского посольства. 22 января 1576 года состоялся его торжественный въезд в Можайск в сопровождении 2000 стрельцов, а на следующий день послам дал формальную аудиенцию

сам царь, которого окружали сотни придворных и *«двадцать четыре советника, двенадцать с правой и столько же с левой стороны»*. Затем последовали обычные взаимные расспросы о здоровье государей каждой из держав и обмен подарками, завершившийся пышным пиром, продолжавшимся шесть часов. На Иване и его сыне были роскошные одежды и украшенные драгоценными камнями венцы, которые во время обеда они сняли, чтобы было удобнее есть. Прием императорских послов был щедрым и великолепным⁴⁰.

Император просил у Ивана содействия избранию его сына Эрнста в Польшу и примирению в Ливонии и Литве. Но, откликаясь на жалобы ливонцев, высказанные в ходе недавних заседаний Регенсбургского рейхстага, он просил также возвратить ливонские земли империи, что было равносильно провалу переговоров, так как Иван не ожидал подобной просьбы и не собирался отдавать Ливонию. Переговоры между имперскими послами и русскими касались не только Польши, но и обсуждавшейся ранее возможности совместных действий против Порты, а также самого дорогого для сердца папы вопроса о присоединении православной России к Риму. И Кобенцль, и Принц были убеждены (и старались убедить в этом папу), что обращение России не должно быть трудным предприятием, поскольку между католичеством и православием уже существует гораздо большее сходство, чем между каждым из них и лютеранством.

Иван тем временем снова пренебрег посылкой своего собственного *«великого посольства»* в Варшаву; он отправил второразрядного представителя для выступления в Сенате и получения охранной грамоты для следующего гонца. Однако царь адресовал ряд писем влиятельным польским магнатам и сенаторам, которые вез еще один посланец, Новосильцев, хотя на этот раз Иван просил охранную грамоту для *«великого посольства»*. Но уязвимым местом этих русских агентов было их низкое звание: враждебные литовские магнаты чинили им по дороге препятствия, безнаказанно задерживали их и добивались того, что эти люди попадали в Варшаву слишком поздно, чтобы способствовать избранию Ивана⁴¹. Новосильцев, в частности, не сумел доставить письма польским магнатам, и интересов царя никто не представлял.

Русские переговоры с Кобенцлем в Можайске продвигались не лучшим образом. Имперские послы были заинтересованы в передаче власти в Речи Посполитой не Ивану, а эрцгерцогу Эрнсту; они

также настаивали на отказе Ивана от Ливонии. Послы обещали сделать Ивана повелителем европейской части Турции и добиться создания альянса между эрцгерцогом Эрнстом, если он станет королем Польши-Литвы, императором, папой, королем Испании и другими христианскими монархами с целью изгнать турок из Европы. *«Что значит пара городов в Ливонии и Литве в сравнении с Восточной империей?»* – риторически восклицал Кобенцль. Иван скорее склонялся к мысли о предоставлении Польши эрцгерцогу в обмен на уступку Ливонии и Литвы его сыну Федору. Но все эти надежды и планы на будущее рухнули, когда стало известно, что польско-литовские сенаторы во главе с примасом Польши, который поддерживал Габсбургов, устав от ожиданий, 12 декабря 1575 года приступили к избранию польским королем Максимилиана II. Это означало, что миссия императорских послов в России завершена, и через восемь дней они покинули Можайск. Иван, однако, продолжил переговоры, отправив в Вену вместе с имперцами своих собственных посланцев⁴². Поскольку избрание Максимилиана не было единодушным и оспаривалось, оно привело к взрыву политической активности в поддержку других кандидатов. В особенности польская шляхта отказывалась признавать австрийского короля и постепенно спланировалась вокруг Стефана Батория, трансильванского князя. Предполагалось, что он женится на Анне Ягеллонке, которая, ко всему прочему, унаследовала обширные и земли и богатое имущество своей матери Боны Сфорца и своего брата короля Сигизмунда Августа. Стефан Баторий к тому же только что одержал немаловажную победу над турецким войском, которая обеспечила его средствами и повысила его авторитет.

Стефан Баторий был типично ренессансной фигурой: он был умен, хорошо образован (сохранились сведения о посещении им Падуи)⁴³, много и успешно воевал, знал языки. Его избрали князем Трансильвании после смерти предыдущего князя, Яна Сигизмунда Запольи, племянника императора Сигизмунда Августа II, который надеялся, что Заполья унаследует польско-литовскую корону Ягеллонов, но тот слишком рано умер. Стефан Баторий был верующим католиком, но в своем Трансильванском княжестве он привык терпимо относиться к представителям других вер. Будучи венгром, он был настроен антигабсбургски, что устраивало поляков. Теоретически его княжество находилось под верховной властью Турции, и это вызывало подозрения,

но после сокрушительного поражения, которое турки потерпели в морской битве при Лепанто 7 октября 1571 года, они не могли рассчитывать на продолжение своей экспансии на европейской территории и утратили интерес к подробностям дипломатической жизни Восточной Европы. Смерть султана Селима III в 1574 году и восшествие на престол Мурада III закрепили смену ориентации в турецкой политике. Появление среди кандидатов на польский престол такой активной фигуры, как Стефан Баторий, должно было придать выборам второе дыхание, тем более что он знал, как подойти к ключевым политическим персонажам в обеих частях страны, и приступил к агитации в свою пользу.

Антигабсбургски настроенные поляки во главе с Яном Замойским добились созыва нового сейма на 18 января 1576 года, и при отсутствии какого бы то ни было противодействия со стороны Максимилиана Баторий был избран и утвержден королем 1 февраля. Таким образом, у Речи Посполитой было теперь два короля. Но Максимилиан так и не появился. Сразу же начались приготовления к коронации Батория и к его свадьбе с Анной. В апреле он прибыл в Краков, а в мае 1576 года был коронован. Иван воспринял такое положение дел спокойно. По-видимому, он до конца не верил, что выборы состоялись, что польская знать пренебрегла пожеланиями, высказанными через его представителей, и проголосовала, не обратив внимания на его прения с Кобенцем и Принцем. К тому же ослабление позиций Максимилиана делало помощь царя еще более ценной для императора; он мог даже рассчитывать на реализацию плана раздела Польши-Литвы между двумя империями.

Первых послов нового короля Батория Иван встретил с пренебрежением. Вопрос о здоровье Стефана Батория он задал сидя. Каково, спросил он послов, происхождение их государя? Как обращались к его предкам, трансильванским князьям и подданным венгерского короля, во время прежних дипломатических переговоров? Он не протянул послам руку для поцелуя и не угостил их кушаньями со своего стола. Царь отказался называть Стефана братом, потому что его звание было не выше звания одного из Мстиславских, Бельских или Трубецких, которые служили ему. Женитьба на сестре Сигизмунда Августа не давала Баторию никаких прав, тем более что после того, как все мужские потомки Ягеллонов умерли, Польша-Литва должна была отойти к Ивану

в качестве его вотчины⁴⁴. Указывалось, что презрительное отношение Ивана к Стефану Баторию заставило его рассматривать последнего как слабого правителя, неспособного завоевать для Польши-Литвы всю Ливонию, и думать, что его будет легко перехитрить в случае начала переговоров⁴⁵. Баторий, в свою очередь, понимал, что война с Россией для отвоевания Ливонии необходима, чтобы упрочить его власть над Речью Посполитой, но он должен был отложить ее до тех пор, пока ему не удастся заручиться поддержкой подданных.

В это время царь по-прежнему занимался подготовкой к осуществлению другой задачи, стоявшей перед русско-имперским союзом, а именно, к нападению на Османскую державу и к запланированному походу против крымских татар с помощью запорожских казаков⁴⁶. Максимилиан, в свою очередь, в ноябре 1576 года готовился созвать в Регенсбурге рейхстаг⁴⁷, чтобы получить поддержку германских князей для отвоевания у Стефана Батория польской короны. В сентябре он также сообщил Ивану, что вскоре придет к нему *«великое посольство»* для заключения формального союза. Но здоровье сорокадевятилетнего императора стало ухудшаться, и 12 октября 1576 года он умер. Его сын Рудольф был уже избран римским королем, и в качестве императора он продолжил переговоры с Иваном, но у него не было намерения втягиваться в большую войну, которая отвлекала бы Рудольфа от его интеллектуальных увлечений. Он также не собирался передавать царю Ливонию и не питал желания выдать за Ивана свою овдовевшую сестру, французскую королеву (бывшую жену Карла IX). Царь, тем не менее, все еще рассчитывал привлечь Рудольфа к борьбе против Стефана Батория за польскую корону, к содействию России в приобретении Ливонии и, если не удастся завладеть Польшей-Литвой, по крайней мере, к помощи в борьбе за киевское наследство⁴⁸.

В конце ноября 1576 года Иван направил Максимилиану (о смерти которого он еще не знал) новое письмо с предостережением от вмешательства в ливонские дела, поскольку провинция принадлежит России. По мнению царя, ввиду опасной ситуации, создавшейся в Европе в результате избрания на польский трон турецкого вассала Батория, Ливонский вопрос отходил на второй план. Кроме того, Иван не был уверен, что Максимилиан не остается законно избранным королем Речи Посполитой. Во время своих военных походов в Ливонию царь тщательно избегал затрагивать земли, занятые поляками. В то время как

Баторий насаждал свою власть в Польше и, прежде всего, в Данциге, где ему противостояли сторонники Габсбургов, Иван в феврале 1576 года выдвинулся с большим войском и в сопровождении великого князя всея Руси Симеона Бекбулатовича против шведских сил в Ливонии и занял порт Хаапсала на побережье севернее Риги. (Война в Ливонии не была включена в общий договор между Россией и Швецией, который в 1575 году был продлен на два года). Шведы почти повсеместно отступили и смогли с трудом удержаться лишь в Ревеле, подвергшемся яростному штурму, в ходе которого погиб Иван Васильевич Шереметев-меньшой. Но город продолжал обороняться, и в марте 1577 года царю пришлось снять осаду. Смерть Масимилиана нанесла тяжелый удар по Данцигу, который лишился своего верховного сюзерена и защиты со стороны империи, но борьба против Батория, осадившего теперь город, продолжилась. Однако в конце 1577 года Баторий предложил приемлемые для горожан условия сдачи, и они принесли ему присягу⁴⁹, тем самым развязав королю руки для войны в Ливонии.

Теперь Иван, снова по не совсем понятным причинам, решил покончить с правлением Симеона Бекбулатовича. Когда именно это произошло, в точности установить трудно, но по всей вероятности летом 1576 года⁵⁰. Симеону в удел были пожалованы Торжок и Тверь, и он приступил к управлению ими, пользуясь всеми правами удельного князя прежних времен и продолжая нести службу в войске Ивана в качестве одного из полководцев⁵¹.

Одновременно для усиления корпуса своих воевод царь привлек к своему двору из земщины ряд именитых бояр и военачальников, включая сына князя И.Ф. Мстиславского Федора Ивановича, что положило начало долгой карьере последнего, продолжавшейся и на протяжении Смутного времени⁵². Примерно тогда же, в 1576 или 1577 году, при неизвестных нам обстоятельствах скончалась жена Ивана Анна Васильчикова⁵³. Их свадьба не сопровождалась официальным церковным обрядом, а женитьба на следующей супруге, вдове дьяка Василисе Мелентьевой, была ознаменована лишь «молебном», причем брак продолжался недолго, так как, согласно выразительному русскому определению смерти по естественным причинам, она умерла *собственной смертью*⁵⁴. К счастью для Ивана, 29 июня 1577 года умер также его старый враг Девлет-Гирей, что избавило царя от беспокойства по поводу охраны южных границ.

В 1577 была открыта новая кампания России в Ливонии, базой для которой служил Псков. В 1576 — 1577 годах Москву посещали посланцы шведского короля, которые должны были вести переговоры о мире, пока Швеция занималась перевооружением, однако 13 июля 1577 года Иван в сопровождении тридцатитысячного войска и татарской конницы, возглавляемой Симеоном Бекбулатовичем, выступил в поход, но не против Швеции, а против земель, занятых в Южной Ливонии Польшей-Литвой. Успешное наступление, которое вывело русских к Рижскому заливу⁵⁵, заставило Ивана написать 9 июля 1577 года одно из своих посланий с предостережением, адресованное князю Полубенскому⁵⁶, польскому «*вице-регенту*» территорий, завоеванных Речью Посполитой в Ливонии. Полубенский был выходцем из русской семьи, эмигрировавшей в Литву, и с успехом служил Сигизмунду Августу на поле брани. Именно Полубенский подготовил нападение на Изборск, когда литовцев, переодетых опричниками, впустили в русскую крепость⁵⁷.

По обыкновению Иван начинает свое письмо с длинного изложения библейской истории, основанного на апокрифической книге Еноха и ведущего от сотворения мира, через Адама, Авраама и Исаака, к строительству Вавилонской башни. Автор письма рассказывает, как человеческий род размножился и отвратился от Бога, и управление им перешло в руки дьявола. Отсюда произошли мучители, власти и цари, и первым из них был Нимврод, заложивший Вавилонскую башню. Повсюду образовались различные царства и появились дурные правители. Далее Иван описывает, как Господь защищал израильтян, но они снова отпали от него и захотели иметь над собой царя, тогда Бог дал им Саула. Мораль этой диатрибы заключалась в том, что предки царя, Цезарь Август, правивший всем миром, и его брат Прус, потомок которого в четырнадцатом поколении Рюрик властвовал в России, преследовали христиан. Но Иисус Христос не остался глухим к молитвам последних и исполнил свое обещание: «*Я буду с вами до конца света*». Он послал великого Константина, от которого скипетр перешел через Владимира к Ярославу, а затем и к Ивану как правителю Ливонии. Далее Иван упоминает Александра Невского и Дмитрия Донского, победителя агарян, и предлагает польскому военачальнику, у которого было примерно четыре тысячи человек, вывести его силы из царской вотчины, чтобы дело кончилось миром⁵⁸. Иван действительно рассчитывал на вывод

оккупационных отрядов и рассылал по стоявшим на его пути укрепленным замкам письма с предложением свободного выхода для тех, кто сложил бы оружие. Многие небольшие польско-литовские гарнизоны в ливонских городах в самом деле сдавались.

В августе русские войска захватили порт Пярну, вышли к Двине и подоодвинулись к предместьям Риги. 9 августа капитулировал Динабург (Даугавпилс, Невгин), а город Чиствин (Цесвайне, Зессвеген), оказавший сопротивление, был взят штурмом. Гарнизон и население подверглись жестокому истреблению. Иван, вероятно, чувствовал близость окончательной победы и даже не считал более нужным привлекать на свою сторону ливонцев. Это был момент его наибольшего продвижения. Царь воспользовался случаем, чтобы послать письмо городскому совету Риги с сообщением, что он вложил свой меч в ножны и ожидает их покорности⁵⁹.

Тем временем марионеточный король Ливонии Магнус Датский проявил свое себялюбие и ненадежность; он объявил восемнадцать завоеванных городов, многие из которых сдались Ивану, частью своего королевства, что привело царя в бешенство. Иван послал русский отряд в Кокенхаузен (Кокнезе, Куконос), сдавшийся Магнусу, город был разрушен, а гарнизон перебит. Магнус теперь действовал в собственных интересах. Он объявил, что пользуется поддержкой как императора Рудольфа, так и царя, к возмущению последнего, ибо Магнус приписывал себе честь завоевания городов, сдавшихся русским, и претендовал на них как на свою долю военной добычи. Кроме того, Магнус захватил Вольмар, взяв в плен польского военачальника Полубенского, но войска Ивана 1 сентября вытеснили его и истребили гарнизон. Магнус вместе со своей свитой был заперт на пять суток в старом амбаре без крыши, где они спали на соломе, а затем ему было приказано удалиться на принадлежащий ему остров Эзель. Ливонцев, присягнувших Магнусу, казнили, а горожан продавали татарам⁶⁰. Это означало конец мечты Магнуса о Ливонском королевстве, но не конец его карьеры вообще.

Из Вольмара (Валмиера) в 1577 году Иван адресовал свое второе послание к князю Андрею Курбскому, несомненно, памятуя о том, что именно отсюда Курбский слал ему свои горькие упреки в 1565 году⁶¹. Из Вольмара Иван также писал Баторию и Яну Ходкевичу, польскому наместнику в Ливонии (возможно, в это время он вел двойную игру с участием Ивана), предлагая им оставить Ливонию без боя. «Теперь в

нашей вотчине, — пишет царь, — Ливонской земле, во многих областях нет такого места, где бы не только ноги нашего коня, но и наши ноги не были, нет и такой воды в водах и озерах, которой бы мы не пили»⁶². Эти письма менее задиристые, чем предыдущие, создается впечатление, что царь не столько разгневан, сколько опечален, быть может, победы сделали его великодушным по отношению к грешникам, в число которых, впрочем, входит и он сам⁶³. Равным образом Иван предложил мир и Баторию, при условии, что тот уступит России всю Ливонию, включая еще не завоеванный город и порт Ригу. Очевидно, Иван отдает предпочтение Риге перед Ревелем, так как владеть Ригой было выгоднее со всех точек зрения — военной, торговой, навигационной и климатической, хотя залив был скован льдом не менее, чем три месяца в году. Мирные условия Ивана и другие составленные им письма были вручены Полу-бенскому для передачи Баторию, после того как литовцы, сдавшиеся самому Ивану, были приглашены на великий пир 10 сентября 1577 года и осыпаны подарками. В письме к Баторию Иван выражался довольно бесцеремонно, Ходкевича он постарался привлечь к себе, называя его «храбрым, высокомурым и почтенным» и упоминая об его прежних подвигах. Поведение царя объясняют его представлением о том, что Баторий является лишь игрушкой в руках литовских магнатов и будет делать что ему прикажут. Следовательно, чтобы войска Речи Посполитой ушли из Ливонии, важнее было договориться с Ходкевичем, чем с новым королем⁶⁴.

К концу лета 1577 года Иван добился выполнения большинства задач текущей кампании. Из главных ливонских городов в Восточной Балтике ему не принадлежали только Ревель и Рига. Но этот успех был преходящим. В конце 1577 года Баторий развязал себе руки в Данциге и мог сосредоточиться на войне с Россией, а он был выдающимся полководцем и располагал лучшим войском, чем Иван. Между императором Рудольфом и Портой было заключено перемирие, и Иван, по-видимому, склонялся к заключению трехлетнего перемирия с Польшей. Но так как тексты, подписанные сторонами, были совершенно разными (согласно экземпляру Ивана Ливония и Курляндия переходили к России), в действительности этого перемирия не было⁶⁵. Таким образом, дипломатическая изоляция Ивана увеличивалась.

Осенью 1577 года Иван приказал напасть на удерживаемый поляками ливонский город Венден (Цесис, Кесь), но набор служилых дворян

оказался недостаточным, что стало зловещим предзнаменованием, было много *нетчиков*. В начале 1578 года русские войска под командованием князя И.Ф. Мстиславского осадили город, но в течение четырех недель не могли взять его, и прибытие новых подкреплений в мае не изменило положения. Вторая атака на Венден была предпринята значительными русскими силами в сентябре 1578 года, но она была отражена гораздо меньшим смешанным отрядом, состоявшим из поляков, шведов и немцев. Многие крупные русские военачальники погибли или были взяты в плен, а русское войско потеряло много людей и пушек⁶⁶. Для Ивана это стало большой неудачей, в том числе и потому, что поражение было нанесено совместными шведскими и польско-литовскими силами, которые до тех пор действовали по отдельности.

Согласно сообщениям некоторых историков, Иван выместил злобу на ливонцах и других немцах, живших в Москве в квартале под названием «*Нарва и Дерпт*»*, где было разрешено селиться прежним ливонским жителям этих двух городов, изгнанным из своих домов в Ливонии во время русского завоевания восемнадцать лет назад. Им было также разрешено открыть одну (а по некоторым источникам две) лютеранскую церковь. (Таково было происхождение Немецкой слободы.) В один из зимних дней 1578 года сюда нагрянул вооруженный отряд людей, одетых в черное и возглавляемых царем и его сыном. По приказу «*грабить, но не убивать*» он занялся расхищением и уничтожением имущества обитателей, выбрасывая раздетых догола людей на мороз, отчего многие лишились жизни⁶⁷. Здесь жило некоторое число шотландцев, взятых в плен во время их службы наемниками в рядах войска Юхана III Шведского, и Горсей постарался спасти их, убедив Ивана принять многих из этих солдат на русскую службу⁶⁸.

На Сейме, состоявшемся в феврале 1578 года в Варшаве, новый король Речи Посполитой и ее представители приняли решение воевать с Россией за Ливонию, а не с крымскими татарами, у которых взять было нечего. Депутаты единодушно проголосовали за повышение налогов, а пока обе стороны готовились к будущим военным действиям, происходил обмен послами, причем всем формальным переговорам предшествовали яростные споры о первенстве⁶⁹. Сотруд-

* Первоначально слобода, в которой селились немцы, называлась Кукуй, но там были Нарвская и Дерптская улицы.

ничество между Швецией и Речью Посполитой, наметившееся при освобождении Вендена, открывало новые перспективы, хотя никакого действенного союза для ведения войны в Ливонии против Ивана заключено не было⁷⁰. Тем временем 5 ноября 1579 года Порта заключила мир с Речью Посполитой, чтобы сосредоточить свои усилия на войне с Персией, и всячески содействовала подписанию в сентябре 1579 года перемирия между Крымским ханством и Польско-Литовским королевством, которое дало возможность хану оказывать Порте помощь в войне с Персией и одновременно освободило Речь Посполиту от угрозы с юга.

Переписка Ивана с Баторием велась в том же стиле, что и с королем Юханом III, то есть с необычной при общении коронованных особ грубостью. *«На твою грамоту ... и лай, который в этой грамоте, мы дадим отповедь позже»*, — пишет Иван в 1573 году королю Швеции, который отказывается принять обращение с ним как с вассалом и вести переговоры с царем только через новгородского наместника. *«Ты пишешь свое имя впереди нашего — это неприлично, ибо нам брат — цесарь римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств, как будет доказано впереди... ты бы нас известил, чей сын отец твой Густав и как дед твоего звали, и был ли твой дед на королевстве, и с какими царями он был в братстве и в дружбе? ... Если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы, — так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестие»*^{*71}.

Точно так же Баторий отказывался использовать титул царя при обращении к Ивану и высмеивал его претензии на происхождение от римского императора Августа, что возмущало русских бояр. *«Мы отчину свою, Лифляндскую землю очистили, и ты бы дотаду свою отложил. Тебе было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю»*^{**}, — заявляет царь королю Стефану. У послов Речи Посполитой, прибывших в январе 1579 года, царь потребовал уступки Ливонии, Курляндии и Полоцка, а также Киева и

* В англ. оригинале сокращенный вольный перевод.

** Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения, кн. III, т. 6. — М., 1989, с. 626. Цитата в англ. переводе сокращена.

многих других городов. Теперь он обосновывал свои притязания генеалогическими соображениями, тем, что литовские князья происходили от полоцких Рогволодовичей, то есть были Рюриковичами, «*братьями*» Ивана, а следовательно, польская корона и Великое княжество Литовское по смерти последнего потомка Ягайло становились его вотчиной. Галицийские князья (древнерусские князья юго-западной Руси) были равными с королями польскими, «*о Сегмиградском же государстве нигде не слышали*»⁷². Оскорбленные послы Речи Посполитой заметили, что и иудейский царь Давид был низкого происхождения, но Иван велел своим представителям отвечать, что «*Давида-царя бог избрал, а не люди; слышите Соломона, духом святым глаголющего: "Горе дому, им же жена обладает, и горе граду, им же мнози обладают"*»⁷³. Иван упрекал послов, что они избрали себе государя низкого рода, с которым невозможно быть в братстве. Во многих устных и письменных высказываниях Ивана этого времени с торжеством звучит его уверенность, что Россия, наконец, достигла своей цели, завоевав Ливонию и получив выход к морю. Однако поражение русских при Вендене в феврале 1578 года заставило царя задуматься о начале мирных переговоров путем обмена «*великими посольствами*» при одновременном продолжении войны. Сохранялась проблема взаимоотношений со Швецией. Юхан III по-прежнему упорно держался за Ревель и надеялся захватить Нарву (Ругодив).